

АНДРЕЙ АЛЬБЕРТОВИЧ БАШКАРЕВ

кандидат политических наук, доцент Гуманитарного института
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
bashkarev@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИНТЕРВЕНТАХ В ПРЕДАНИЯХ ЮЖНЫХ И ШИМОЗЕРСКИХ ВЕПСОВ

Анализируются упоминания о вторжении иноплеменных захватчиков, сохранившиеся в преданиях южных и шимозерских вепсов. Актуальность темы исследования связана с изучением трансформации представлений об интервентах в вепсской традиционной культуре, а также определением степени сохранности преданий о них в памяти современных информантов. Исследуется двойственность представления вепсов о так называемых панах как первопоселенцах края и в то же время как об интервентах. На основе анализа реализованных ранее исследований и современных свидетельств информантов осуществляется трактовка этого сопоставления. Цель исследования – анализ устойчивых мотивов в повествованиях о захватчиках, трактуемых в большинстве случаев как «поляки» или «литва», в работе с современными информантами. Для этого исследования второй половины XX века сопоставлены с результатами полевых экспедиций 2017–2019 годов, проведенных в Бокситогорском районе Ленинградской области и Вытегорском районе Вологодской области. Также в статье исследуется сохранение традиций почитания вепсами сакральных объектов, связываемых в легендах с действиями захватчиков в прошлые века. Оценивается современное состояние подобных почитаемых объектов и связанные с ними традиции. Результатом исследования стало выявление сохранившихся мотивов повествования об интервентах у современного населения в вепском ареале, а также локализация сакральных объектов, по-прежнему связываемых с интервентами. Отмечены отдельные случаи соблюдения традиций, связанных с посещением и почитанием подобных объектов.

Ключевые слова: вепсы, предания, фольклор, интервененты, паны, жальники

Для цитирования: Башкарев А. А. Представления об интервентах в преданиях южных и шимозерских вепсов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 2. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.453

ВВЕДЕНИЕ

Упоминания об иноземных захватчиках, организовавших набеги и грабежи, достаточно распространены в преданиях народов, исконно населяющих Русский Север. Описания столкновений с иноплеменными интервентами, в качестве которых в различных источниках фигурируют «паны», «поляки» или «литва», занимают важное место в корпусе устных преданий. Осуществленные ранее исследования позволили выявить упоминания о подобных вторжениях в том числе и на территориях исконного проживания вепсов – между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Помимо записанных свидетельств информантов, во второй половине XX века исследователям удалось в определенной мере локализовать объекты, связываемые в преданиях с действиями интервентов. В первую очередь в качестве таких объектов выступают древние кладбища, а также находящиеся на них объекты,

наделяемые сакральным значением. В данной статье предлагается обобщить материалы, собранные исследователями по этой теме ранее, а также представить результаты исследований, реализованных автором в местах проживания южных и шимозерских вепсов в 2010-е годы.

* * *

Фольклорные произведения о польско-литовской интервенции XVII века были записаны и проанализированы исследователями еще в конце XIX – начале XX века¹, в частности подобные исследования напрямую касались территорий исконного расселения вепсов². Позднее в монографии Н. А. Криничной «Предания Русского Севера» проводится глубокий анализ представлений, связанных с набегами иноземцев (разбойников, внешних врагов), в роли которых чаще всего упоминаются именно польско-литовские интервененты [12]. В 1950-е годы В. В. Пименов обращает внимание, что фольклорная тематика

«панов» принадлежала традиционной культуре не только русского, но и финно-угорских народов, в частности вепсов, для которых данные персонажи олицетворяли одновременно предков и польско-литовских интервентов начала XVII века [13: 135, 142, 236, 242].

Н. Е. Котельникова отмечает неоднозначность и многослойность образа «панов», подтверждая активное бытование преданий о них на севере России. Так, данный образ может раскрываться как образ аборигенов края, внешних врагов (чаще всего польско-литовских интервентов), а также разбойников [10: 293]. В 2000-х годах теме «панов» в устной традиции северорусского населения были посвящены исследования А. В. Киселева [8], [9].

Исследуемые предания о «панах», в качестве которых в разных источниках выступают поляки, литва и турки, состоят из нескольких связанных мотивов: пребывание (былое) данных общностей в конкретной местности, оставление ими следа и, в конечном счете, исчезновение в этой местности (с сохранением упоминания в виде быличек, преданий, связанных с местом).

Н. А. Криничная указывает, что образ «панов», обусловленный этими мотивами (в первую очередь функциями) и сам отчасти обуславливающий их специфику и структуру, имеет целый спектр значений. С одной стороны, «паны» – это почитаемые умершие, предки; с другой – это антропоморфные скульптурные изображения, которые служат воплощением предков и вместилищами их душ. И, наконец, «паны», «панки» – это холмы, курганы, могилы. Следовательно, «паны» могут быть представлены и в качестве субъекта, и в качестве объекта, что свидетельствует об известном «разветвлении» ранее единого образа на несколько генетически взаимосвязанных. Однако в данном случае больший интерес представляет трактовка «панов» как исторических персонажей.

В. К. Соколова также отмечает широкое распространение на северорусских территориях терминов «литва» и «паны» (особенно в Прионежье), указывая на неопределенность трактовки «панов» в этническом отношении – и как иноплеменных пришельцев, разбойников, и как перво-населенцев края. «Паны» в преданиях рисуются иногда и как первопоселенцы, смешиваются с «чудью» (они также «сами себя похоронили»), а в некоторых преданиях о них, возможно, отразился и культ предков-пращуров. «Татары», «литва», «паны» характеризуются в общем одинаково, в разных местах о них часто рассказывают одно и то же. Краткость и обобщенность большинства таких преданий являются в значительной мере

результатом забвения конкретных исторических деталей – все это рисуется как давно прошедшее [14: 33–34].

Анализ историко-географической основы вепских преданий о «панах» выявляет определенную собирательность их образа. Так, «панов» можно в разной степени представить как реальных первопоселенцев, аборигенов, язычников, внешних врагов (польско-литовских интервентов), разбойников, помещиков и, наконец, людей, живших до нынешнего поколения и оставивших после себя следы загадочной материальной культуры [12]. Н. А. Криничная указывает на синтетическое единство образа «панов»-интервентов как более позднего и образа «панов»-прародителей, проявляемое в сложных исторических трансформациях [11]. Противоречивость сопоставления «свои-чужие» в данном случае нивелируется многослойностью восприятия образа «панов» в историческом контексте, когда этот образ приобретает собирательный характер по отношению ко всем оставившим значительный след в культуре – и некогда жившим предкам, и совершавшим набеги интервентам. Несмотря на то что образ «панов» в свидетельствах информантов приобретает семантическое значение иноземных разбойников с XVII века, тем не менее предания о них, зафиксированные значительно позднее, не характеризуются четкой временной привязкой, что также свидетельствует о чрезвычайной многослойности восприятия образа и возможном закреплении его в фольклоре в различных коннотациях в различные периоды времени.

Таким образом, в формировании представлений о «панах» прослеживается постепенное отождествление почитаемых предков, память о которых сакрализуется, и с первопоселенцами, и с интервентами. При этом и первые, и вторые могли погибнуть и быть погребены вместе в результате столкновений в ходе захватнических набегов. В частности, в монографии С. А. Штыркова, посвященной преданиям об иноземных нашествиях в северо-восточной Новгородчине, сопредельной южно-вепскому ареалу, отражено представление о так называемых забудущих родителей – почитаемых предках, похороненных в особых местах – жальниках. В роли этих предков, по представлениям информантов, выступают как древние первопоселенцы, так и некогда совершавшие набег в этой местности интервенты («литва») [15: 161–165]. В то же время существовали и различия в трактовках возникновения жальников у вепского и сопредельного русского населения. Н. А. Зайцев отмечает, что южные вепсы считали жальники местом захоронения

людей, погибших во время войны с турками, в то время как представители этнолокальной группы русских озерян объясняли их происхождение захоронением умерших во время строительства Тихвинской водной системы [6: 39].

Представители этнолокальных групп южных и шимозерских вепсов, исконно проживавшие в северной части современного Бокситогорского (Ленинградская область) и юго-западной части современного Вытегорского (Вологодская область) районов, также сохранили историческую память о так называемых панах, отраженную в свидетельствах информантов, фиксируемых и в настоящее время. Примечательно при этом, что выступавшие, по мнению информантов, в роли захватчиков могли обозначаться и как «литва» (реже «турки», «татары»), и как «паны» или «поляки» – в свою очередь первое характерно в большей степени для южных и капшинских вепсов, в то время как второе – для шимозерских. С. А. Штырков в свою очередь также отмечает как характерное упоминание именно «литвы» для русских северо-востока Новгородской области, исторически соседствовавших с вепсами.

Характерна устойчивость описаний столкновений вепсов с набегчиками, в ходе которых первые были вынуждены скрываться. При этом представляет значительный интерес мотив самопогребения, отраженный в упоминаниях информантов исследователями в XX веке. В частности, С. Б. Егоров отмечает существенный культурный пласт преданий о врагах, в которых вепсы выступают как страдающая сторона. Такие предания, как отмечает исследователь, характерны для южных и части средних вепсов, а также для соседнего русского населения. При этом имеются определенные различия. С нападением врагов связывается у вепсов возникновение могильников *kāmišt*, аналогичных жальникам у русского населения:

«Когда-то турки пришли откуда-то на нашу землю и стали бесчинства творить. <...> И решили тогда жители погибнуть и все с собой взять, ничего врагу не оставить. Вырыли они глубокую яму, врыли столбы в нее, на столбах помост устроили, землей его покрыли. Оделись во все самое лучшее – в одежду праздничную, женщины – кольца, серьги, украшения надели. Собрались все на этом месте и как только враги подошли, подрубили столбы и похоронили себя под землей. Место это “каамишт” называется».

Кроме того, южные вепсы таким же образом трактуют возникновение так называемых *neičiden kopad* («девичьих ям»)³. Для сравнения приведем еще одно упоминание, записанное С. Б. Егоровым у капшинских вепсов в д. Кор-

вала (вепс. *Korvoil*, Бокситогорский район Ленинградской области) в 1994 году:

«...за Чубовым, по дороге к Чидову, находится Рятый пуст. Там раньше была деревня, теперь растут большие деревья. Говорили, что литва шла (другие говорили – турки). Кто-то сказал, что люди плохие идут, издеваются над людьми. Так все жители в яму пошли и себя засыпали». «У Корвалы была раньше деревня на берегу озера Рят-ярвь. Там сохранились каменные ступени. Сейчас они заросли. Называлось это место Рятый пуст. Здесь есть курган, в котором люди хоронили себя, подрубили подпорки настила, когда шла литва – плохие люди» [7: 184].

Примечательно обозначение одного из мест в бывшей д. Сяргозеро (вепс. *Särgärv*, совр. Тихвинский район Ленинградской области), связанного по преданиям с действиями так называемой литвы, – «чужак»:

«Когда проходил слух, что идет литва, население деревни копало ямы или траншеи, устанавливали столбы, собирались там и потом хоронили себя заживо, потому что это было видимо лучше, чем достаться врагу. Так это место “чужаком” и назвали»⁴.

Для деревень Лахта (вепс. *Laht*) и Чайгино (вепс. *Čaigl*) также характерно наличие захоронений, связанных с интервентами, которых информант упоминает как «литву»:

«Говорили, литва шла. <...> Собиралась вся деревня, ставили столбы, сверху настил и камнями загружали этот настил. Вся деревня собиралась, и четыре мужика <...> убрали этот настил, и этот настил давил всех. Чтобы не терпеть побои да все это, издевательства. Бесчинств боялись. Там раньше были рябины и черемуха <...> вересы»⁵.

В более позднее время автором данной статьи записаны свидетельства, демонстрирующие выступление вепсов не только в качестве страдающей, но и успешно обороняющейся от интервентов стороны, одно из которых зафиксировано в бывшей д. Пелкаска (вепс. *Püdkask*, совр. Вытегорский район Вологодской области):

«В 1600-е гг. там часовенка стояла. А поляки двигались разведывательным отрядом, человек восемьдесят, грабили вепсов на Павшозере, на Оште, насиловали, отбирали скот. И тут вепсы решили им дать отпор и встретили их между Шимозером и болотами на этой дороге, и разгромили их. Кое-кого в полон брали. Пелкаска тогда уже была. Их полонили, а раненых они тут захоронили – тут вот кладбище их, поляков. Это до 1700-го года. Поляки ухаживали за кладбищем и создали свою кирху, где теперь часовня. Увидели, что там есть источник незамерзающий, они придали значение, там сделали купальню. <...> После эта кирха сгорела от молнии, деревья высокие были, потом вепсы там часовню поставили. Она тоже сгорела, там иконы были с золотыми окладами, с серебряными, и сгорела – серебро ушло в землю» [1: 12–13].

Данное свидетельство интересно в сопоставлении с приведенным в исследовании Н. А. Криничной упоминанием о былом «месте жительства панов, у которых был даже свой погост, то есть церковь со всеми ее принадлежностями» [11: 125]. В этом же исследовании приводится описание так называемого панского захоронения, важным элементом которого обозначается сакрализуемая сосна, что соответствует и вепским представлениям о так называемых почитаемых деревьях, в частности можжевельнике [3: 126]. Следовательно, дерево, роща с часовней или крест функционально тождественны при обозначении святости места, связанного с захоронением «панов» (градации в ту или другую сторону обусловлены превалированием языческих или христианских элементов в оформлении аналогичных по своей сущности объектов) [11: 120]. Священные рощи и отдельные почитаемые впоследствии деревья, зачастую находящиеся на возвышенностях, становились объектами, позволяющими локализовать древние захоронения [6: 26–29] (рис. 1).

Рис. 1. Жальник с хвойными деревьями на песчаном холме около бывшей деревни Пелкаска (Püdkask), современный Вытегорский район Вологодской области. Место, трактуемое информантами как захоронение польских интервентов. 1963 год. Фото из архива Н. Ф. Омшева

Figure 1. Fir trees on a sandy hill near the former Pelkaska village, Vytegra district of the Vologda region. This place is associated with the burial place of Polish invaders. 1963. Photo from the archive of N. F. Omshev

Примечательно, что и в свидетельствах информантов сопредельных территорий, населенных русскими, также присутствует мотив возмездия набегчикам, совершавшим бесчинства [15: 142–143].

Таким образом, восприятие информантами «панов» в конце XX – начале XXI века как выполнявших захватническую роль в данных местностях свидетельствует об упомянутой выше трансформации их образа. В то же время, как мы видим, отмечается сохранение преданий о возникновении сакральных, почитаемых

объектов при непосредственном участии «панов». В данном случае также наблюдается проявление синкретичности их образа как создателей или непосредственных участников создания сакральных объектов, позднее почитавшихся вепсами:

«А в иордане стали по великим праздникам купаться. Обрамленный был, деревянный настил. Принимали крещение, обмывали детей, приезжали, больных везли и там мыли. Там источник – золотой ключ, глубина семь метров. Там брали воду, – говорят, хлеба хорошие были. И обмывали раны, обмывали людей и прочее, поклонялись этому месту. Называли “иордан”, и “польский иордан”. Там и существует до сих пор» [1: 12–13].

Сохранившиеся традиционные представления о ряде объектов, возникших в предшествующие века при непосредственном участии интервентов, нашли свое отражение и в более поздний, советский, период:

«Когда колхозы организовали и стали заготавливать корм для скота, выкопали яму для силосования. Стали копать – шарик катается, еще шарик катается, еще – стали разглядывать – черепа. <...> Дети ходили играть на песочек, тут песчаные места на этом бугре – было захоронение, видимо, вот от этих польских да литовских набегов – то ли ихние черепа, то ли местные. И силосовать не стали» [1: 12–13].

Зачастую в свидетельствах информантов упоминания о жальниках, возникших в результате действий набегчиков, связаны и с возможным захоронением в них украшений и драгоценностей:

«Вот тут жальник за домом, камней сколько много. Мы, когда начали здесь копать, – рыли ледник, все думали золото найти, – костей много <...> хаотично черепа лежали, на глубине метр восемьдесят где-то так лежат. Бабки говорили, когда здесь хоронились люди, все украшения все собрали – тут межа такая идет отсюда к речке, что бочку катили с золотом, и бочка лежит в речке. <...> Бабушки собрали черепа, да в лес захоронили. А тут камни есть, на этом месте»⁶.

Для свидетельств информантов о подобных захоронениях зачастую действительно характерно упоминание «кладов», сокрытых драгоценностей, золота и т. п.

Особенности преданий о «панских кладах» зависят от того, какое значение приписывается образу «панов». Если «паны» мыслятся как аборигены края, то предания о положенных ими кладах сходны с преданиями о чуди. Общими являются и тенденции их сочетаемости с различными мотивами и сюжетами. Тесная взаимосвязь между образами панов, чуди и волшебных кладов может быть объяснена не столько взаимодействием преданий с мифологическими рассказами, сколько общей древнейшей мифоло-

гической основой всех этих образов [10: 293–294]. Современные информанты также локализуют места, связанные по преданиям с захоронением кладов, с жальниками (рис. 2).

Рис. 2. Житель д. Лахта (вепс. Laht) А. В. Петров указывает на место захоронения (жальник) рядом с его домом. 2 августа 2017 года. Фото автора

Figure 2. A resident of the Lakhta village A. V. Petrov localizes the burial place ("jalnic") near his house. August 2, 2017, photo by the author

Как можно выявить из проведенного обзора свидетельств информантов, следствием пребывания интервентов на исконных вепсских территориях явилось формирование определенного ряда объектов – курганов-захоронений, почитаемых деревьев, камней и источников. Следует проанализировать традиции такого почитания. Еще в конце XIX века Г. И. Куликовский отмечает празднование так называемого Киселева дня в бывшей деревне Рокса (западная часть современного Вытегорского района Вологодской области), напрямую связанного с традицией «поминовения панов» в четверг на троицкой неделе: «...все домохозяйки приносят из дому по кринке молока и чашке киселя, ставят их на несколько времени под иконы и едят все это сообща, поминая панов». Данная традиция связывалась с надеждами на получение в последующем хорошего урожая⁷. Упомянутый пример демонстрирует включение традиции «поминовения панов» в православный календарь, в том числе в ходе постепенной трансформации языческих представлений в контекст православия. Архаичность преданий о «панах» и выявленное противопоставление «свои-чужие» / «бывшие-нынешние» в интерпретации этого образа каждым очередным поколением неизбежно накладывались на распространение православных традиций в вепском ареале, все в большей степени формируя характер представлений о панах как связанных с язычеством. В то же время длительно сохранявшиеся у вепсов элементы языческих верований были в значительной степени связаны с традициями почитания предков, находившими свое отражение вплоть до конца

XX века. Так, пожилые люди, которые не могли прийти до могил близких, поминали более отдаленных по времени предков на уже упомянутых *kāmišt* – местах древнего захоронения предков вепсов, расположенных около большинства поселений. В д. Тедрово до начала 1970-х годов Евдокия Дмитриева (Oušu-babka) ходила помянуть предков на *kāmišt* в праздники, в Родительскую субботу⁸.

Как отмечает И. Ю. Винокурова, *kāmišt* ассоциировались у информантов с местами, где были похоронены предки – покровители рода, но в то же время и с завоевателями (турками, литвой), которые когда-то заживо погребли местных жителей. Скорее всего, эти рассказы представляют собой отголоски известного здесь предания о родстве с чудью и ее «мученической смерти». В частности, традиции поминовения были связаны и с посещением древних кладбищ в определенные праздники, например в Егорьев день. Так, на кладбище в д. Лаврово (Сидорово, вепс. Sodjārv) к сохранившемуся до настоящего времени дереву можжевельника мужчины в качестве заветов клали ветки вербы. Можжевельник являлся почитаемым деревом у вепсов, игравшим важную роль в поминальной культуре. В д. Прокушево в Егорьев день жители после обхода домов также шли к священному месту *kāmišt*, где росло несколько деревьев, среди которых были названы можжевельник, рябина, черемуха, и клали возле них вербы [2: 71–73], [4: 117]. Об этом свидетельствуют и информанты, опрошенные в д. Сидорово в более поздний период:

«За три километра, около Мялтозера, есть вроде кладбище, там плиты <...> там деревня была, там кузня, железки, мы пахали там, севали. В Лаврово вербочки носили, дерево огромное было, верес, можжевельник, когда дом обходят, на Егорьев день, так и сейчас тоже обходим дома»⁹.

Впоследствии, как отмечается, вместо посещения можжевельника в указанный праздник ветки вербы носили к часовне или оставляли в домах. В настоящее время можжевельник также произрастает в местах, трактуемых вепскими информантами как жальники (рис. 3).

Н. А. Криничная указывает, что предания о «панах» в основном состоят из тех же мотивов, что и предания о чуди. Это соответствие в известной мере предопределяет некоторое тождество центральных персонажей преданий – чуди и «панов», но отнюдь не исключает различия, обусловленного разными истоками тех и других образов [11: 117]. Упоминание о совместном погребении может свидетельствовать об отождест-

влении исторической памяти о «панах» с представлением о родстве с чудью.

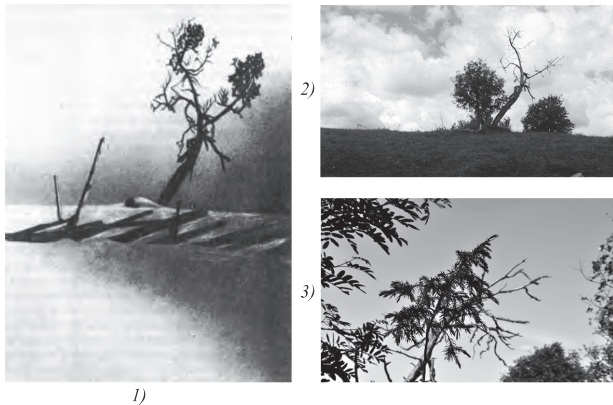

Рис. 3. Древнее захоронение *kāmišt* с деревом можжевельника в д. Сидорово (Sodjärv). Фото 1985 года (1) и 2002 года (2) – И. Ю. Винокурова, (3) – новый можжевельник на фоне старого, 2019 год, фото автора

Figure 3. Ancient burial “*kāmišt*” with a juniper tree in the village Sidorovo (Sodjärv). Photo of 1985 (1) and 2002 (2) – I. Yu. Vinokurova, (3) – a new juniper near the old tree, 2019, photo by the author

Дуалистическое восприятие «панов» как умерших предков заложено уже в самой традиции: с одной стороны, им оказывают всевозможные почести, с другой – их боятся. В соответствии с древними верованиями мир умерших и мир живых всячески отделяются друг от друга, поскольку проникновение живых в мир мертвых так же опасно для последних, как и появление мертвых среди живых [11: 126]. Так, отождествляемые с миром умерших захоронения «панов» зачастую в свидетельствах информантов связываются со страхом:

«Этот разговор дядька рассказывал. У меня как раз дом в Нойдале-то стоит. Такая пригорка, и на этой пригорке все каменисто-каменисто. И вот этот дядька-то и рассказывает – ты тут живешь, так не боишься? Так тут когда литовцы были, войной шли, так людей, говорит, срубали головы, грудь срубали да детей на кол сажали – так люди говорят боялись, так на этой горке, памятник делали, они ямы выроют и с камнями на себя покрывают. Вот такое место. Он сказал, что у меня вот на той пригорке дом. От литовцев спрятавши, люди сами спрятались. Шабадья¹⁰ – влево, там тоже были такие камни. В Чидово на дороге, в барак-то шли, там камни были. Это я от пожилых услышала»¹¹.

Детальная схема размещения захоронений (жальников) на территории современной Ленинградской области, в том числе в районах расселения вепсов, подготовлена Л. В. Корольковой¹². Схематичное расположение захоронений, упомянутых в данной статье, возникновение которых напрямую связывается вепскими информантами

с действиями иноземных захватчиков, отражено на рис. 4.

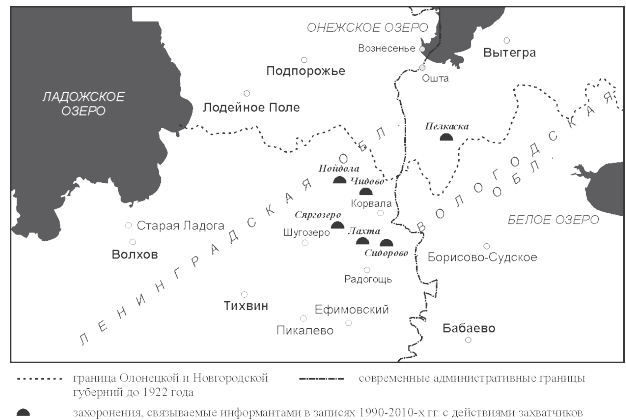

Рис. 4. Схема расположения связываемых с интервентами захоронений на территориях расселения южных, капшинских и шимозерских вепсов. Подготовлено автором
Figure 4. The map with objects associated with the invaders in the territories of the southern and Shimozerian Vepsians. Prepared by the author

Таким образом, представляется, что изначальное противопоставление образов «панов» как интервентов и «панов» как древних предков, трансформируясь в историческом контексте, приобретает определенную тождественность с точки зрения последующего почитания. Представления об интервентах у южных и шимозерских вепсов во многом идентичны с представлениями соседствующего русского населения, различаясь лишь в частности. С упоминаниями о столкновениях с интервентами связано возникновение целого ряда сакральных мест, наделенных особым значением и почитаемых. В большинстве случаев это так называемые жальники – древние кладбища, курганы, роши, однако имело место также возникновение сакральных комплексов, включавших в себя часовни и источники [1]. Формы почитания в свою очередь могли быть связаны с оставлением так называемых заветов, поминовением предков в дни определенных религиозных праздников, использованием источников.

ВЫВОДЫ

Приведенные в статье свидетельства информантов об иноплеменных вторжениях позволяют оценить достаточно хорошую сохранность устойчивых моделей повествования: интервенты (литва, поляки) → вторжение с целью грабежа / насилия → возникновение кладбищ (где могли быть похоронены как собственно интервенты, так и участники сражений с ними / их жертвы, так и древние «предки») → сакрализация с последующим почитанием мест погребения.

Определенный интерес представляет мотив погребения (самопогребения) вепсов как стра-

дающей стороны в упомянутых свидетельствах, а также неоднозначная интерпретация исхода набегов, в которых собственно интервенты не всегда выступали в качестве победителей. Так, свидетельства современных информантов [1: 12–13] подтверждают сохраняющиеся в представлениях мотивы возмездия коренного населения интервентам, проанализированные еще в конце XIX века¹³.

Последующее изучение преданий о контактах южных и шимозерских вепсов с интервентами осложнено постарением и уходом из жизни информантов, наследовавших эти предания. Тем не менее некоторые местные жители – как в сохранившихся деревнях, так и переселенные из упраздненных в другие населенные пункты – способны указать местонахождение некоторых объектов и изложить упомянутую, в основном идентичную модель повествования, что отражено в приведенных свидетельствах, собранных автором в 2017–2019 годах.

Традиции почитания сакральных объектов, связанных с присутствием интервентов в прошлом вепского ареала, были постепенно утрачены к концу XX века. Известные в современности случаи единичны – так, в д. Сидорово Бокситогорского района на месте кладбища *kāmišt* дачниками был посажен но-

вый можжевельник рядом со старым деревом (см. рис. 2); в урочище Пелкаска рядом с бывшей деревней существует традиция посещения источника [1: 11]. В связи с исчезновением постоянного населения многих вепских деревень дачники, являющиеся зачастую прямыми наследниками постоянных жителей, могут выполнять функцию сохранения исторической памяти в том числе и о таких объектах [5]. Кроме того, большинство современных сакральных объектов на территории расселения вепсов, прежде всего православных часовен, находится на местах существовавших прежде священных рощ, камней, кладбищ или вообще соседствует с ними, находясь в тесной исторической взаимосвязи. Возникновение последних зачастую могло быть связано с присутствием интервентов в историческом прошлом вепского ареала. Последующее этнографическое и археологическое исследование подобных объектов и их прошлого может подтвердить такую взаимосвязь.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Ирине Юрьевне Винокуровой за многолетнюю поддержку в научной работе, Владимиру Евгеньевичу Загарских за содействие в организации полевых исследований и сбор материала.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Балов А. В. Предания о «панах» в Ярославской, Новгородской и Вологодской губерниях // Северный край. 1901. 26 января. № 24. С. 4; 1901. 29 января (11 февраля). № 27. С. 3–4; Калинин И. Чудь и пань: происхождение и современное значение этих слов // Живая старина. 1913. № 1–2. С. 137–146; Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 44–60; Смирнов В. И. Клады, пань и разбойники (этнографические очерки Костромского края) // Труды КНОИМК. Кострома, 1921. Вып. XXVI. С. 27–29.
- ² Минорский П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии // Олонецкие Губернские Ведомости. 1893. № 70, 71, 72, 75.
- ³ Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 188–189.
- ⁴ Полевые материалы автора, информант Горская (Архипова) Анна Тимофеевна (1925 г. р., д. Сяргозеро), 2017 год; Балов А. В. Предания о «панах» в Ярославской, Новгородской и Вологодской губерниях // Северный край. 1901. 26 января. № 24. С. 4; 1901. 29 января (11 февраля). № 27. С. 3–4.
- ⁵ Полевые материалы автора, информант Петров Анатолий Васильевич (1948 г. р., д. Макоево (Лахта), д. Лахта, 2017 год; Калинин И. Чудь и пань: происхождение и современное значение этих слов // Живая старина. 1913. № 1–2. С. 137–146.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Куликовский Г. И. Похоронные обряды Обонежского края...
- ⁸ Егоров С. Б. Традиционная культура южных вепсов... С. 164.
- ⁹ Полевые материалы автора, информант Краснов Алексей Степанович (1928 г. р., д. Мялтозеро, вепс. Määtjärv), д. Сидорово, 2019 год.
- ¹⁰ Шабадь (вепс. Šabad`jä), западная часть бывш. д. Нойдола, соврем. Бокситогорский район Ленинградской области.
- ¹¹ Полевые материалы автора, информант Рогозина (Коновалова) Александра Михайловна (1933 г. р., д. Рябов Конец, вепс. Rebagi), дер. Мозолево, 2017 год.
- ¹² Этноконфессиональный иллюстрированный атлас Ленинградской области / О. М. Фишман, М. Л. Засецкая, Г. А. Исаченко, Л. В. Королькова, О. А. Красникова, А. И. Терюков и др. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2017. С. 50–51.

¹³ Минорский П. Смутное время в народных преданиях и памятниках Олонецкой губернии...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкарев А. А. Иордань как сакральный объект в традиционной культуре (на примере шимозерских вепсов) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 3 (156). С. 7–16.
2. Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.
3. Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. 524 с.
4. Винокурова И. Ю. Обычаи, ритуалы и праздники в традиционной культуре вепсов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 205 с.
5. Винокурова И. Ю. Роль дачников в сохранении культурных традиций родной деревни // Русский Север: Идентичности, память, биографический текст. К 95-летию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. науч. ст. СПб.: МАЭ РАН, 2017. С. 300–311.
6. Зайцев Н. А. Духовное и историческое наследие Бокситогорского района. СПб.: Контраст, 2017. 680 с.
7. Егоров С. Б. Корвальские вепсы: формирование локальной группы, демографическое развитие, некоторые особенности хозяйства и культуры в XIX–XX вв. // Динамика этнической культуры народов России: Сб. статей. памяти проф. А. В. Гадло (Историческая этнография. Вып. 2) / Под ред. В. А. Козьмина. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 179–193.
8. Киселев А. В. Русские предания и поверья о «панах» в XIX – нач. XX вв. (к вопросу об образе «чужого» в традиционной культуре) // Проблемы материальной и духовной культуры России и зарубежных стран: VII Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов. Сыктывкар, 2001. С. 9–10.
9. Киселев А. В. «Паны» в устной традиции русского населения Ярославского Поволжья XIX–XX вв.: историко-этнографические основы и параллели // ИКРЗ. 2003. Ростов, 2004. С. 326–340.
10. Котельникова Н. Е. Устные предания о кладях и «Кладовые записи» // Дергачевские чтения – 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 октября 2000 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. Ч. 1. С. 292–297.
11. Криничная Н. А. Историко-этнографическая основа преданий о панах // Советская этнография. 1980. № 1. С. 117–127.
12. Криничная Н. А. Предания русского Севера. СПб.: Наука, 1991. 328 с.
13. Пименов В. В. Вепсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965. 284 с.
14. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 289 с.
15. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 228 с.

Поступила в редакцию 04.09.2019

Andrey A. Bashkarev, PhD in Political Science, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russian Federation)
bashkarev@mail.ru

INVADERS IN THE LEGENDS OF THE SOUTHERN AND SHIMOZERIAN VEPSIANS

The article analyzes the information about foreign invaders in the legends of the southern and Shimozerian Vepsians. The research relevance is associated with the analysis of transformation of ideas about invaders in the Vepsian traditional culture, and determining the degree of preservation of the legends about them in the memory of modern informants. The research was conducted to investigate the Vepsians' perceptions of so-called "Polish pans", who were considered to be the first settlers of this land and the same time were presented as invaders. The analysis of previous studies and the materials obtained from modern informants was used to compare these perceptions and interpret the results. The main aim of the research was to analyze persistent motifs in the legends about invaders, commonly referred to as "Polish pans" and "Litva" (the Lithuanians), collected from modern informants. To this end, the results of the XX century investigations were compared with the results of the field expeditions to the Boksitogorsk and Vytegra districts undertaken between 2017 and 2019. The article also deals with the Vepsian tradition of worshipping sacred objects and places (such as ancient burials), connected in the legends with the invaders' activities, and evaluates the preservation of the historical memory of such objects in the testimonies of modern informants. The research resulted in the identification of the remaining narrative motifs about invaders among the modern population of the Vepsian area, as well as in the localization of sacred objects still associated with the invaders. The author also discovered individual cases of keeping traditions connected with visiting and worshipping such sacred objects.

Keywords: Vepsians, legends, folklore, invaders, Polish pans, ancient burials

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his gratitude to Irina Yu. Vinokurova for her ongoing support in this research and to Vladimir E. Zagarskikh for his assistance with organizing the expeditions and collecting data from the informants.

Cite this article as: Bashkarev A. A. Invaders in the legends of the southern and Shimozerian Vepsians. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 2. P. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.453

REFERENCES

1. Bashkarev A. A. Jordan as a sacred water object of traditional culture (case study of Shimizerian Vepsians). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2016. No 3 (156). P. 7–16. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Vepsian calendar customs, rites and holidays (late XIX – early XX centuries). St. Petersburg, 1994. 124 p. (In Russ.)
3. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Vepsians: Encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
4. Vinokurova I. Yu. Beliefs, rituals, and festivals in the traditional culture of the Vepsians. Petrozavodsk, 2011. 205 p. (In Russ.)
5. Vinokurova I. Yu. The role of summer residents in preserving the cultural traditions of their native village. *Russian North: Identities, memory, biographical text. Celebrating the 95th birthday anniversary of K. V. Chistov: Collection of articles*. St. Petersburg, 2017. P. 300–311. (In Russ.)
6. Zaytsev N. A. Spiritual and historical heritage of the Boksitogorsk district. St. Petersburg, 2017. 680 p. (In Russ.)
7. Egorov S. B. The Korvala Vepsians: formation of a local group, demographic development, some specific features of economy and culture in the XIX and the XX centuries. *Dynamics of ethnic culture of the peoples of Russia: Collection of articles in memory of Prof. A. V. Gadlo (Historical Ethnography. Vol. 2)*. (V. A. Koz'min, Ed.). St. Petersburg, 2004. P. 179–193. (In Russ.)
8. Kiselev A. V. Russian legends and beliefs about “Polish pans” in the XIX and early XX centuries (the image of the “alien” in traditional culture). *Issues of material and spiritual culture of Russia and foreign countries. VII All-Russian Research Conference of Students and Postgraduates*. Syktyvkar, 2001. P. 9–10. (In Russ.)
9. Kiselev A. V. “Polish pans” in the oral folk traditions of the Russian population of the Yaroslavl Volga region in the XIX and the XX centuries: historical and ethnographic foundations and parallels. *History and culture of Rostov*. 2003. Rostov, 2004. P. 326–340. (In Russ.)
10. Kotel'nikova N. E. Oral legends about buried treasures and “Records about buried treasures”. *Dergachev Readings – 2000. Russian literature: national development and regional features: Proceedings of the international research conference, Ekaterinburg, October 10–11, 2000*. Ekaterinburg, 2001. Part 1. P. 292–297. (In Russ.)
11. Krinichnaya N. A. Historical and ethnographic foundation of the legends about “Polish pans”. *Soviet Ethnography*. 1980. No 1. P. 117–127. (In Russ.)
12. Krinichnaya N. A. Legends of the Russian North. St. Petersburg, 1991. 328 p. (In Russ.)
13. Pimenov V. V. The Vepsians. Essays on ethnic history and genesis of culture. Moscow, 1965. 284 p. (In Russ.)
14. Sokolova V. K. Russian historical tradition. Moscow, 1970. 289 p. (In Russ.)
15. Shtyrkov S. A. Legends about foreign invasion: peasant narrative and mythology of the landscape (using materials from the northeastern Novgorod region). St. Petersburg, 2012. 228 p. (In Russ.)

Received: 4 September, 2019